

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ХАРЬКОВСКОГО ДРАГУНСКОГО ПОЛКА В ШЕВАРДИНСКОМ БОЮ И БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ

Несмотря на то что события Отечественной войны 1812 года в целом хорошо документированы приказами, рапортами, воспоминаниями, многие ее эпизоды продолжают оставаться не до конца выясненными. К их числу относятся и обстоятельства участия Харьковского драгунского полка в Шевардинском бою 24 августа и в Бородинском сражении 26 августа 1812 г.

Харьковский драгунский полк ведет свою родословную от одноименного слободского казачьего полка, возникшего в XVII в. на южной границе российского государства. Датой его основания считался 1651 г. С этой даты велось старшинство Харьковского полка, и этот год стоял на полковых юбилейных штандартах¹. Однако по мнению ученых, формирование полка как военной и административной единицы заняло длительный период времени и завершилось где-то между августом 1659 и апрелем 1660 г.² С той поры полк, вместе с другими слободскими полками, стоял на страже южных рубежей России от набегов татар и покушений со стороны мятежных малороссийских гетманов. Харьковские казаки участвовали в конце XVII в. в Крымских и Азовских походах, Северной войне (1700-1721), войнах с Турцией (1735-1739) и Пруссией (1756-1763). В 1765 г. в связи с ликвидацией автономии Слободской Украины Харьковский полк был превращен в регулярный гусарский, с тем же названием³. Началась новая глава в его истории. Полк принял участие в войнах с Турцией и Польшей, в усмирении Пугачевского бунта. За это время из гусарского его делали легкоконным, затем конно-егерским, снова легкоконным. При Павле I харьковцы стали кирасирами, а 13 июля 1801 г. полк был преобразован в драгунский. В этом качестве он участвовал в войнах с Францией в 1805 и 1806-1807 гг.

Долгое время полк квартировал в Харькове и окрестностях, но в начале 1799 г. был переведен в Подольскую губернию и более в Харьков не возвращался. К началу Отечественной войны 1812 года Харьковский драгунский полк (четыре эскадрона) вместе с Черниговским драгунским входил в бригаду генерал-майора И. Д. Панчулидзева 4-го кавалерийского корпуса генерал-майора К.К. Сиверса в составе 2-й Западной армии П.И. Багратиона. Один эскадрон (3-й) находился в 3-й Западной армии генерала А.П. Тормасова⁴.

О состоянии полка накануне войны говорится в приказе П.И. Багратиона по вверенной ему армии от 3 мая 1812 г. «При вступлении Харьковского драгунского полка в г. Луцк, с совершенным удовольствием заметил я, что полк сей во всех частях доведен до возможного совершенства, люди выправлены и одеты сообразно предписанным на то правилам, строевые лошади в хорошем теле, обоз в самом лучшем порядке, за что изъявляю... шефу того полка полковнику Юзефовичу совершенную мою благодарность с объявлением по армии»⁵.

Дмитрий Михайлович Юзефович был назначен полковым шефом 11 августа 1808 г. и в этом звании вел харьковцев в сражения во всех последующих войнах с Наполеоном до отмены шефов 1 сентября 1814 г. Он происходил из дворян Черниговской губернии. Родился в 1777 г., в Харьковский полк поступил в 1800 г. По воспоминаниям сослуживцев, «был роста несколько выше среднего, строен, имел приятную наружность», был хорошо образован, владел свободно французским, немецким и польским языками⁶. Любопытную характеристику ДМ. Юзефовичу дал Н.Н. Муравьев: «Юзефович был человек умный и образованный, но говорили, что он любил пограбить. Он действительно составил себе на походе библиотеку, выбирая книги из библиотек, находимых на мызах и в усадьбах, оставленных по случаю войны владельцами»⁷. Более резкий, хотя в чем-то и схожий отзыв оставил Д.П. Бутурлин: «Он [Юзефович] изучил военное искусство скорее

как умный человек, нежели как военный, одушевленный ревностью к своему делу. Поэтому видно, что он схватил лишь некоторые поверхностные понятия, но не приобрел познаний истинных основ искусства, которые могут быть усвоены лишь прилежным размышлением. Однако разговор его внушает уважение обыкновенным людям, благодаря шарлатанству, которым он обыкновенно приправляет свою беседу. Он настолько привык говорить напыщенным тоном о всех своих поступках, что даже вредит своей несомненной храбрости закваскою бахвальства, которое он слишком часто при этом примешивает. <...> Он всегда весьма охотно появляется перед неприятелем и любит битвы, но он любит еще более атаки, направленные против какого-нибудь отдалившегося обоза, и другие подобные случаи, при которых он может удовлетворить своей небольшой склонности к грабежу. Впрочем, его деятельность и бдительность сделают его весьма полезным для армии во всех случаях, когда сумеют употребить его надлежащим образом»⁸.

С начала войны 1812 года Харьковский полк находился в арьергарде 2-й Западной армии и участвовал под непосредственным командованием своего шефа во многих боях, понес потери. Особенно суровым испытанием стал для полка бой под Красным 2 августа, где он оказался единственной регулярной кавалерийской частью русской армии, противостоявшей едва ли не всей коннице И. Мюрата. «Харьковский драгунский полк отражал нападение с отличным мужеством, но принужден был уступить в шесть раз превосходнейшему неприятелю и бросился по дороге...» - рапортовал П.И. Багратиону командир русского отряда Д.П. Неверовский. Однако «один, после справясь, прикрывал ретираду»⁹. В тот день харьковцы лишились убитыми и ранеными 35 своих товарищей, но не оставили в руках врага ни одного пленного¹⁰. Полк находился среди частей, оборонявших Смоленск и прикрывал переправу русских войск через Днепр. На этапе отступления от Смоленска до Бородина он состоял в арьергарде и лишь по прибытии на Бородинскую позицию 24 августа снова соединился с частями 4-го кавалерийского корпуса, располагавшимися на левом фланге армии. Здесь Харьковский драгунский полк принял участие в бою за Шевардинский редут.

Около 2 часов дня французы атаковали левый фланг расположения русских войск. Кавалерия 4-го корпуса была поставлена в прикрытие артиллерийских батарей, располагавшихся справа и слева от Шевардинского редута. Харьковские драгуны вместе с черниговскими и четырьмя конными орудиями находились на правом фланге позиции, позади д. Шеварино. В этот день в строю полк насчитывал 3 штаб-офицера, 23 обер-офицера, 42 унтер-офицера, 12 музыкантов и 433 рядовых¹¹. Упорный бой за редут продолжался до вечера. Около 19 часов французам удалось им овладеть, но в это время к войскам генерал-лейтенанта А.И. Горчакова, защищавшим редут, подошли подкрепления. А.И. Горчаков предпринял контратаку, чтобы вернуть потерянные позиции. Пехота была нацелена на редут, а Малороссийский и Глуховский кирасирские полки атаковали французские войска, располагавшиеся между редутом и д. Шеварино. Как свидетельствует командир 4-го кавалерийского корпуса К.К. Сивере: «Харьковскому и Черниговскому драгунским полкам приказано было от меня подкрепить кирасир, тем прикрыт был их правый фланг, которым угрожали две пехотные колонны с другой стороны деревни показывающие. Два эскадрона Харьковского драгунского полка под командованием майора Жбаковского, два эскадрона Черниговского драгунского полка... ударили на оные колонны и, опрокинув, овладели двумя пушками, которыми неприятель начал устраивать батарею в подкрепление его пехоты, но не успел сделать ни единого выстрела»¹². Информацию К.К. Сиверса уточняет рапорт Д.М. Юзефовича: «В 7-м часу вечера, когда неприятельские две пехотные колонны показались на высоте горевшей деревни и начали уже огнем своим вредить нашей кавалерии, тогда вверенной мне полк по данному повелению атаковал оные; одну из них уничтожил, другую обратил в бегство и взял конное неприятельское орудие с картечным зарядом, не дав ему времени фланге французской армии, ее участие в бою, судя по потерям, было незначительным.

Теоретически возможно было столкновение харьковских драгун с уланами 9-го полка. Но было ли оно на самом деле, или харьковцы бились с уланами какого-то другого полка? По нашему мнению, это мог оказаться один из полков дивизии А. Рожнецкого из корпуса Латур-Мобура. Эта дивизия, сократившаяся ко дню Бородинской битвы до трех полков (3-й, 11-й и 16-й уланские), вследствие потерь насчитывала в строю не более 600 всадников. Между 11 и выстрелить»¹³. «Русская конница, состоявшая из кирасир и драгун, произвела ряд самых смелых атак на французскую кавалерию и смяла передние полки. Она налетела даже на роты пехоты, выдвинутые перед нашими колоннами для поддержки стрелков. Последние, свернувшись как бы в клубок, отбросили неприятельскую кавалерию, стреляя залпами. <...> В этой атаке, которую следует причислить к самым упорным, принимали участие кирасиры: малороссийские, глуховские... и драгуны, харьковские и черниговские», - свидетельствует польский офицер К. Колачковский¹⁴. Документы и воспоминания с французской стороны связывают этот эпизод с атакой русской конницей 111-го линейного полка, выдвигавшегося в сумерках вдоль восточной окраины д. Шевардино и в результате нападения потерявшего свою полковую артиллерию. Хотя здесь имеются и некоторые нестыковки. Так, сержант 111-го полка Фоссен говорит в своих часто цитируемых воспоминаниях об атаковавших его полк кирасирах и не упоминает драгун.

Вслед за 111-м полком драгуны налетели на следовавшие за ним батальоны испанского полка «Жозеф Наполеон». Однако осторожный командир полка Ж.-Б. де Чюди заблаговременно построил своих людей в два каре и русская кавалерия «получила в упор огонь двух фасов, который обратил ее в бегство. Она оставила перед фронтом полка десяток убитых, среди которых был командовавший ею начальник, несколько лошадей и должна была иметь большое число раненых»¹⁵. «Полагаем, что действовавшими столь неудачно русскими кавалеристами были драгуны Харьковского полка»¹⁶, - пишет В.Н. Земцов. Автор этих строк разделял мнение екатеринбургского историка, связывая с этим эпизодом гибель эскадронных командиров харьковцев капитанов Л.К. Нестелея и Т.Д. фон Нагеля. Однако внимательное прочтение документов побудило нас изменить точку зрения. Из наградного списка, поданного Д.М. Юзефовичем командиру бригады, следует, что вышеназванные офицеры погибли еще при атаке 111-го полка¹⁷. То же самое утверждал историограф полка Е. Альбовский¹⁸. Таким образом, либо Ж.Б. де Чюди приукрашивает действия своего полка и собственную распорядительность на фоне неудачи 111-го, либо каре испанцев было атаковано драгунами Черниговского полка. В пользу последнего предположения косвенно говорит и сравнение потерь обоих полков в Шевардинском бою. У харьковцев убиты два обер-офицера и семь рядовых; ранены четыре обер-офицера, три унтер-офицера, 31 драгун, один музыкант; убито 35 строевых лошадей¹⁹. У черниговцев убиты 16 рядовых, 19 пропало без вести, ранены один штаб- и четыре обер-офицера, 39 рядовых и один музыкант²⁰.

В рапорте К. К. Сиверса говорится об участии в бою лишь двух эскадронов Харьковского полка, однако факт гибели двух эскадронных командиров, а также упоминание в рапорте и наградном списке двух других - майоров Жбаковского и Н.Я. Бабарсова - указывают на участие в атаке всех четырех эскадронов²¹. Я. Богданович, автор юбилейной работы, посвященной участию Харьковского драгунского полка в Отечественной войне 1812 года, пишет, что два эскадрона были посланы поддержать кирасир, а два других, вместе с черниговскими драгунами, атаковали 111-й полк и полк «Жозеф Наполеон», то же утверждает Е.А. Альбовский²². Атака велась по двум направлениям. Два эскадрона поддерживали кирасир между редутами и деревней, два других действовали вдоль восточной окраины Шевардина²³.

Если на 24 августа мы имеем, пусть не всегда однозначные, но достаточно конкретные сведения о времени и месте действий Харьковского полка, то на 26 августа информация остается скудной и запутанной. Известно, что по диспозиции начало Бородинской битвы полк встретил в рядах 4-го кавалерийского корпуса,

располагавшегося позади 7-го корпуса Н.Н. Раевского²⁴. Об участии полка в бою Д.М. Юзефович сообщает в своем рапорте следующее: «Августа 26-го полк, находясь в беспрестанном употреблении во весь день, отличил себя особенно блистательною атакою на неприятельской 9-й уланский полк дивизии Зайончика, дерзко напавший на наши орудия и овладевший уже оными. Из сего уланского полка ничто не спаслось; в плен взято мало, а шесть наших конных орудий роты подполковника Кандыбы вырваны из рук неприятеля и отправлены мною за 2-ю линию при штабс-капитане Кончине той же роты. Сие происшествие происходило в глазах господина генерала барона Беннигсена, отдавшего тогда же полку справедливость»²⁵. В рапорте К.К. Сиверса на имя М.И. Кутузова о действиях его корпуса Харьковский полк не упоминается. Не проясняет ситуацию и рапорт командира бригады Н.Д. Панчулидзева²⁶. Сравнительно небольшие потери в людском и конском составе, о которых мы скажем ниже, дают основания полагать, что полку не пришлось участвовать в многократных атаках, либо долгое время находиться под огнем вражеской артиллерии. Кое-что о месте и времени позволяет прояснить эпизод со спасением орудий конной артиллерии. 5-я конно-артиллерийская рота подполковника Д.Ф. Кандыбы была в составе 1-й Западной армии и в день битвы была включена в артиллерийской резерв и первоначально располагалась позади 4-го кавалерийского корпуса. Затем она была введена в боевую линию слева от батареи Раевского и приняла участие в финальной стадии битвы за Семеновские флешы и отражении «второй» атаки на батарею Раевского²⁷. В развернувшейся жестокой артиллерийской дуэли с французскими батареями рота понесла большие потери. Согласно «Ведомости об убитых, раненных, без вести пропавших и о прочем артиллерии 1-й Западной армии», 5-я конная рота потеряла убитыми и без вести пропавшими 61 солдата и офицера, а также 144 строевых и 114 артиллерийских лошадей; одно орудие было повреждено²⁸. Таким образом, лишившаяся половины личного состава и больше половины лошадей, рота была обездвижена и стала добычей неприятельской кавалерии, что вероятно произошло между 11 и 12 часами, когда французская конница атаковала русские позиции за Семеновским оврагом. К этому времени должно относиться спасение харьковскими драгунами шести орудий конной роты. Драгуны, «спешившись, запрягли в орудие своих лошадей, и таким образом доставили все оные без урона и малейшей части сей артиллерии». Все 24 вахмистра, унтер-офицера и солдата, принявшие участие в спасении орудий были представлены к награждению Знаком отличия Военного ордена²⁹.

Однако честь спасения орудий 5-й конно-артиллерийской роты оспаривает у харьковцев Сибирский драгунский полк. Командир 3-го кавалерийского корпуса К.А. Крейц вспоминал, что «Сибирский драгунский полк отбил 8 орудий раненых роты Кандыбы»³⁰. Генерал пишет об этом в воспоминаниях, в рапортах и наградных списках этот подвиг Сибирского полка не нашел отражения.

В рапорте Д.М. Юзефовича речь идет о схватке с 9-м уланским полком дивизии Зайончека, из которого «ничто не спаслось». Оставим последнее утверждение на совести полкового шефа, известного своим бахвальством, как это следует из приведенных характеристик. Но в дивизии Зайончека никогда не было 9-го уланского полка, да и сражалась она в день Бородина на крайнем левом фланге - в Утицком лесу. Такой полк был в 1-й легкой кавалерийской бригаде 1-го армейского корпуса Великой армии. Бригада располагалась на правом фланге французской армии, ее участие в бою, судя по потерям, было незначительным. Теоретически возможно было столкновение харьковских драгун с уланами 9-го полка. Но было ли оно на самом деле, или харьковцы бились с уланами какого-то другого полка? По нашему мнению, это мог оказаться один из полков дивизии А. Рожнецкого из корпуса Латур-Мобура. Эта дивизия, сократившаяся ко дню Бородинской битвы до трех полков (3-й, 11-й и 16-й уланские), вследствие потерь насчитывала в строю не более 600 всадников³¹. Между 11 и 13 часами она неоднократно атаковала русские позиции к югу от Курганской высоты, т.е. примерно там, где в это же

время действовала 5-я конно-артиллерийская рота. Но для окончательного ответа на поставленный вопрос нам пока не хватает, в первую очередь, мемуарных свидетельств.

Потери Харьковского драгунского полка в Бородинской битве составили двух убитых рядовых (число раненых неизвестно) и 32 строевые лошади. Убит был прикомандированный к полку подполковник барон А.Х. Сакен³². Потери других драгунских полков корпуса К.К. Сиверса оказались значительно больше: в Черниговском полку убито, ранено, пропало без вести - 114, в Киевском - 51 человек 109 строевых лошадей³³. Таким образом, потери Харьковского полка говорят скорее о непродолжительном пребывании в боевой линии под огнем противника. Вероятно, спасение орудий роты Д.Ф. Кандыбы оказалось единственным боевым эпизодом, в котором участвовал полк в этот день.

Итак, мы можем констатировать, что, хотя участие Харьковского драгунского полка в боях 24 августа у Шевардинского редута и 26 августа в районе Курганной высоты является неоспоримым фактом, конкретные обстоятельства этого участия оказываются противоречивыми, все еще оставляют много вопросов и ждут дальнейшего исследования. Подобная ситуация характерна не только для Харьковского полка, но и для других, чье участие в знаменитой битве оказалось заслонено более масштабными событиями, происходившими в ключевых точках Бородинского поля.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ Альбовский Е.А. История Харьковского слободского казачьего полка (1651-1765). Харьков, 1895. С. 16.

² Данилевич В.В. Время образования слободских черкасских полков // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 59.

³ Альбовский Е.А. Указ. соч. С. 19.

⁴ Богданович Я. Участие Харьковского драгунского (ныне 4-го уланского Харьковского) полка в Отечественной войне 1812-14 гг. СПб., 1911. С. 4.

⁵ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1909. Т. XII. С. 25.

⁶ Переписка Д.М. Юзефовича (1805-1820 гг.): Из семейных бумаг Б.М. Юзефовича. СПб., 1902. С. 4.

⁷ Русские мемуары: Избр. страницы, 1800-1825 гг. М., 1989. С. 138.

⁸ Бутурлин Д.П. Кутузов в 1812 году // Рус. архив 1894. Т. LXXXI. Кн. XI. С. 197.

⁹ Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. XVI. С. 19.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 103. Он. 209а. Св. 18. Д. 1. Ч. 1. Л. 112.

¹¹ Там же. Ф. 489. Он. 1. Д. 2624. Л. 87.

¹² Бородино: Документ, хроника. М., 2004. С. 253.

¹³ Там же. С. 218.

¹⁴ Воспоминания польского офицера о кампании 1812 года (Записки генерала Колачковского) // Военский К. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. М., 2011. С. 322.

¹⁵ Васильев А.А. Испанский полк «Жозеф Наполеон» в русской кампании 1812 г. // Цейхгауз. 1997. № 6. С. 20,21.

¹⁶ Земцов В.Н. Бой за Шевардинский редут 5 сентября 1812 г. // 185 лет Отечественной войны 1812 года: Сб. статей. Самара, 1997. С. 18.

¹⁷ Бородино: Документ, хроника. С. 218, 219.

¹⁸ Альбовский Е.А. История Харьковского полка. Минск, 1897. С. 249.

¹⁹ РГВИА. Ф. 489. Он. 1. Д. 2624. Л. 87.

²⁰ Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года. Ч. I: Перечень боевых столкновений русских армий с 4 июня по 31 августа 1812 года. М., 1913. С. 280.

²¹ Бородино: Документ, хроника. С. 218.

²² Богданович Я. Указ. соч. С. 6; Альбовский Е.А. История Харьковского полка. С. 249.

²³ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 2.

²⁴ Бородино: Документ, хроника. С. 93.

²⁵ Там же. С. 218.

²⁶ Там же. С. 178,253-255.

-
- ²⁷ Ларионов А.П. Использование артиллерии в Бородинском сражении // 1812 год: К столетию Отечественной войны: Сб. статей. М., 1962. С. 122, 125, 128.
- ²⁸ Бородино: Документ, хроника. С. 352.
- ²⁹ Там же. С. 219,220.
- ³⁰ Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 360.
- ³¹ Hourtoulle F. Borodino - La Moskova: La bataille des redoutes. P., 2000. P. 113; Gembarzewski B. Wojsko polskie: Księstwo Warszawskie, 1807-1814. Wars., 1912. P. 140,149.
- ³² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2624. Л 87; Богданович Я. Указ. соч. С. 9.
- ³³ Бородино: Документ, хроника. С. 332.